

ОЛЬГА ЛУКАС

БУЛЬОН ТЕРЗАНИЙ

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Л84

Серия «Бордюры и поребрики»
Серийное оформление: *Марина Акинина*
В оформлении обложки использована работа
Н. Поваляевой
Иллюстрации: *Н. Поваляева*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Лукас, Ольга
Л84 Бульон терзаний / Ольга Лукас.— Москва: АСТ, 2015.—
478, [1] с.— (Бордюры и поребрики).

ISBN 978-5-17-087598-6

Лучший способ узнать коллег по работе — сыграть с ними в одном спектакле. По распоряжению босса сотрудники мебельной фирмы своими силами ставят «Горе от ума». Режиссером приглашают артиста заштатного театра Владимира Виленина, всю жизнь безуспешно ожидавшего, что ему дадут самую главную роль в самой классической пьесе. Взяв на себя управление спектаклем, столкнувшись с совершенно незнакомым ему корпоративным миром, он «встает у руля» собственной жизни. Перестает плыть по течению и добивается того, о чем уже и не смел мечтать. А всего-то и нужно было перестать надеяться на мифического «доброего дядю» и самому стать этим «дядей» — сперва для других, более слабых. А потом и для себя самого.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 20.10.14.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂ Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

© Ольга Лукас, текст, 2015
© Н. Поваляева, иллюстрации, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава первая

СЦЕНА У ФОНТАНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Владимир проснулся до звонка будильника. Во что его жизнь превратилась за эти два дня? А ведь теперь предстоит притворяться кем-то другим, приукрашивать свои заслуги перед отечественной киноиндустрией и, возможно, даже ходить на задних лапках перед теми, кто заказывает музыку. Последнее, конечно, неприятнее всего. Но он большой мальчик, знал, на что соглашается.

Для начала нужно войти в образ и загримироваться. Как бизнесмен средней руки, волосатой такой, не упускающей самой малой прибыли руки, представляет себе знаменитого в узких кругах режиссера? А как «знаменитый в узких кругах» представляет себе бизнесмена? Вот эти джинсы, пожалуй, знаменитому подойдут.

Знаменитый, в узких джинсах. Хорошее название для французской комедии. Может быть, кеды надеть? Или — строгая классика? Или чуть-чуть безуминки, вроде трехметрового шелкового шарфа в мелкий горошек? Не вырисовывается образ. И почему, почему он не подготовился с вечера? Как говорила бывшая жена, «Не знаешь, что надеть, — начни с прически».

Размышляя об основных составляющих образа «знаменитого режиссера», Владимир направил свои стопы к парикмахерской, получившей у местных жителей прозвание «Фонтан дружбы народов». Она располагалась в первом этаже жилого дома, во дворах, и найти ее мог

только посвященный. На завалинке и двух скамейках около подъезда сидели, курили, пили чай, ели пироги свободные цирюльники.

— Владимир, привет! — бросился навстречу Рошад. Улыбка до ушей — как всегда. Но вдруг улыбку сменил оскал тигра. — Сидеть! Это ко мне!

Молодая неопытная коллега, пытавшаяся перехватить постоянного клиента, в испуге осела на завалинку.

Владимир заходил сюда два раза в месяц — подровнять усы и бороду, освежить прическу. Рошад с закрытыми глазами мог выполнить эту операцию.

— Давай, Владимир, давай решай менять имидж! Сделаем бороду «Капитан Джек»! — начал канючить Рошад еще на улице. — Я в журнале читал, хочу попробовать сделать. Но никто не заказывает, все тут трусы. Но ты, Владимир, ты в театре играешь! Делаем на подбородке косичку, вплетаем бусинки. Можно просто косичку. Тебе дадут роль пирата! Станешь миллионером, придешь ко мне и скажешь: «Вот, Рошад! Я миллионером стал! Все благодаря тебе, Рошад!»

Они вошли в просторное помещение парикмахерской. В центре стояла эмалированная раковина для мытья клиентских голов — тот самый «фонтан», на стенах висели зеркала, подле них располагались стулья. На стульях сидели клиенты, а «дружные народы» — работники парикмахерской — вертелись вокруг них, подстригали, красили, развлекали разговорами на разных языках.

— Бусинки в бороду выбирай. Мой подарок, — сказал Рошад и жестом фокусника достал практически из воздуха коробочку с разноцветными шариками.

— Нет-нет, подожди с косичкой, — остановил его Владимир. — Вот если меня не возьмут, то можно уже и косичку. А сегодня сделай мне, пожалуйста, солидный офисный вид.

— На работу устроился? — заулыбался Рошад. — Молодец, молодец. Театр — хорошо, но мужчина должен работать. Мой брат тоже в офис устроился — продавать. Голову мыть, пожалуйста.

Они переместились к раковине.

— «Вот и фонтан; она сюда придет», — задумчиво продекламировал Владимир, снимая очки и отправляя их в нагрудный карман.

— Не придет никто! — заверил Рошад. — Ты — любимый клиент, пока тебя моют, никто не придет.

— Это из «Бориса Годунова», — пояснил Владимир. И продолжал, неожиданно в размер поэмы: — Скажи-ка мне, любезный брадобрей, какие бороды предпочитает средний бизнес?

— Я тебя буду огорчать, — намыливая ему голову, скорбно сказал Рошад, — по исследованиям, бородатым работникам меньше доверяют. Мой брат шел устраиваться в офис, никто его не брал. Тогда я прочитал в журнале, что борода — признак ленивого человека. Брат побрился, и его взяли продавать.

— Тогда долой бороду, — вздохнул Владимир, — и усы тоже.

Режим нарушен, жизнь пошла под откос — тут уж не до бороды, любовно взлелеянной и аккуратно подстригаемой, как английский газон. Что борода? Новая вырастет. С косицами и бусинками.

— Волосы тоже коротко? — спросил Рошад, хищно заноса над головой клиента ножницы.

— Нет, погоди, это уж слишком круто. Волосы давай как обычно.

— Вот тут седина. И тут тоже, — ворковал Рошад. — Помнишь, ты спрашивал, чем голову подкрасить? Я нашел хорошую краску. Будем заказывать? Надо заказывать, у тебя редкий оттенок. Тысячу рублей дашь — потому что оптом. Зато потом целый год буду

только тебя красить. Я брата красил, он теперь не черный, ему продавать в офисе доверяют. Ну. Готово, принимай.

— Пока достаточно. Краситься после будем,— сказал Владимир, открыл глаза и надел очки. Потом осторожно заглянул в зеркало. На него смотрел кто-то знакомый и беззащитный. Правильно он сделал, что не вставил с утра контактные линзы. Очки подчеркивают серьезность. Даже некоторую строгость придают. Режиссер должен носить очки. И курить трубку... Может, заехать по дороге, купить трубку? Не обязательно ее курить, скажет, что бросил, а привычка осталась. Нет, нет, это уже излишние детали. Очки, прическа — вполне достаточно. Вдруг откажут? Потом будешь винить во всем эту злосчастную трубку.

Владимир расплатился, попрощался с Рошадом, получил от него десяток советов и наставлений относительно того, как понравиться бизнесменам (эти советы почему-то противоречили тому, что говорил вчера Стакан), и поспешил домой переодеваться. Новая прическа, мытье головы в фонтане дружбы народов, воркование Рошада, а может быть, все это вместе натолкнуло его на мысль одеться как обычно: просто, скромно, заурядно. Он будет знаменитым режиссером, который хочет быть ближе к народу.

Встреча бизнесмена и режиссера была назначена в офисном здании, недалеко от Белорусского вокзала. Адрес поначалу смутил Владимира: «улица Верхняя». «Не бывает в городе таких улиц. Это мне в какой-то поселок ехать придется?» — расстроился Владимир, но встречу не отменил.

Оказалось, что такие улицы бывают и в городе. Рядом с Верхней, для симметрии — Нижняя. На карте они выглядели вполне обычно. Но Владимир уже представил Верхнюю в виде трамплина, с которого вверх, в

космос, стартуют автомобили, автобусы, троллейбусы. Раскрывают крылья, как птицы, и летят, летят, летят...

Он разогнался до максимально разрешенной скорости, он сам уже почти летел — и тут путь ему преградила пробка.

До встречи оставался почти час, так что Владимир не стал дергаться и спешно искать объездные маршруты, а попробовал в деталях представить разговор с заказчиком. Мебельный директор Петр Светозарович, наверное, бреет голову, носит темные очки и строгие черные костюмы. У дальней стены в его просторном кабинете непременно стоит массивный стол красного дерева. Как выглядит мебель из красного дерева, Владимир забыл, и ему представлялся то деревянный стол, выкрашенный красной краской, то столешница, обитая красным бархатом, то красная скатерть с кистями до пола. На столе должна быть пишущая машинка «Ундервуд» и массивная настольная лампа под стеклянным зеленым абажуром, дающая скудный свет. По стенам — несколько стульев и кожаный диван. Сами стены выкрашены синей или зеленой масляной краской, как в больничных коридорах. Владимир входит. За ним захлопывается дверь, опять-таки массивная и, возможно, тоже из красного дерева. Загорается под высоким потолком хрустальная люстра о пятидесяти энергосберегающих лампочках. И будущий режиссер попадает как бы на допрос.

В этих мрачных фантазиях также появлялись уют, паяльник, чемодан, набитый долларами, начиненный взрывчаткой автомобиль, который надо отвезти в условленное место и там оставить, и прочие ужасы, вычитанные в сценариях.

Когда пробка рассеялась, и бордовый «жигуленок» Владимира резво покотил в сторону мебельного офиса, впечатлительный артист был уже почти уверен в том, что никакого спектакля не будет, все это выдумка, ло-

вушка. Хотелось дать деру. Но ведь он уже позвонил, договорился о встрече, он дал слово, и, следовательно, его так просто теперь не отпустят. Можно перезвонить, сказать больным, отменить встречу. Выиграть сутки-другие. За это время удастся улететь куда-нибудь в Сибирь, там поселиться в маленьком городке, устроиться учителем в школе. Владимир был уверен, что учителей в маленьких сибирских городах не хватает, и он прямо-таки сделает всем подарок, явившись в середине учебного года прямо из столицы.

«Жигуленок» уже свернул на улицу Нижнюю, когда из неприметного проулка вылетел ярко-красный «ягуар» и чуть не снес ему переднее крыло. Владимир вырулил на встречную — к счастью, пустую — и благодаря этому избежал столкновения. «Ягуар», не останавливаясь, умчался прочь. Как будто спешил убраться с места преступления. Владимир сверился с картой и определил, что ему нужно свернуть именно в тот проулок, из которого вырвался красный. Потому что этот проулок и есть искомая Верхняя улица. Куда как подозрительное совпадение! Перед мысленным взором снова возник красный стол — на этот раз эмалированный, блестящий, футуристический. В его эргономичную поверхность были вделаны две яркие лампы, напоминающие автомобильные фары. Вот Владимир входит, и загораются эти фары, и бронированная дверь захлопывается за его спиной.

Возможно, наркотики. Или надо будет сыграть перед кем-то роль убитого мебельным злодеем конкурента, чтобы сбить с толку следствие. Или стать двойником мебельного, а по совместительству и мафиозного дона, чтобы дать ему возможность преспокойно удрать в Южную Америку.

Скорей бы все разъяснилось! Владимир Виленин, честный артист Среднего Камерного театра, ни в чем не

повинный человек, уже готов был принять на себя все грехи мира, искупить их любыми страданиями — только бы закончилась эта мука неизвестностью. Поскорее бы все решилось. Отступить он не станет. Откроет дверь из красного дерева, и загорятся под потолком пятьдесят энергосберегающих лампочек, и будь что будет.

Тут он некстати вспомнил слова главного режиссера: «Без моего позволения никому не бриться и не менять прическу!» Забылись лампочки, забылся и красный деревянный стол. Гнев Капитана будет пострашнее любой мебельной угрозы. Ладно, что уж теперь. Обольянинову без бороды даже лучше. Тригорину найдем какие-нибудь усы. А Петрушке все равно, лишь бы он с обновкой вечно был.

Владимир медленно ехал по Верхней улице, выискивая глазами ориентир. Вскоре справа возникло приземистое здание, у входа в которое, на невысоких постаментах, стояли два новеньких разномастных трактора. Владимир проехал чуть вперед и остановился около шлагбаума. Выглянул наружу.

— Вам что? — нелюбезно спросил охранник.

— Я в «Мир элитной мебели»! — веско сказал Владимир.

Шлагбаум открылся. Владимир нашел свободное место и припарковался. Охранник не подбежал, не распахнул перед режиссером дверцу, не указал дорогу. Владимир вышел из автомобиля и вернулся к главному входу, отмеченному двумя тракторами. Двери из тонированного стекла с надсадным скрипом разъехались в стороны, потом, пропустив посетителя, съехали — уже совсем бесшумно.

Ленивый вахтер, не глядя, выписал пропуск и указал дорогу. Владимир вышел на улицу — уже на территории тракторного царства — и стал отыскивать нужный корпус. Этим корпусом оказалась узкая панельная пя-

тиэтажка. Вот так логово мебельного дона! Владимир вошел внутрь, показал охраннику пропуск и направился к лифтам. Осторожно дотронулся до светящейся красной стрелки, указывающей вверх, — вероятно, это была кнопка вызова. Теперь уж точно некуда отступать. Его засекала камера видеонаблюдения — там, под потолком. Дожидаясь лифта, Владимир успел представить, что идет в логово заговорщиков, где его тут же окропят невинной кровью и втянут в общее дело. Лифт все не шел: сначала он мучительно долго спускался, застревал на каждом этаже, потом вдруг поехал вверх. Прибежал откуда-то румяный высокий юноша в расстегнутой куртке, от которой пахло морозом и солнцем.

— Лифт не идет, — растерянно сообщил ему Владимир.

— Так вы не нажали! — весело сказал юноша и ткнул пальцем в металлическую шайбу, которая показалась Владимиру деталью оформления. Шайба вдавилась в стену, и вскоре двери лифта бесшумно открылись.

— Мне на четвертый, — твердо сказал Владимир, стараясь сохранить остатки спокойствия.

— И мне тоже.

Это показалось подозрительным вдвойне — нет, втройне, — но стоило только лифту остановиться на четвертом этаже, как юноша выпрыгнул из него и умчался куда-то. Владимир потоптался на месте, сделал несколько шагов в сторону, завернул за угол — и уткнулся взглядом в вывеску, похожую на щит с дворянским гербом. На щите был схематически изображен земной шар, который поддерживали не слоны и черепаха, а стол и три стула, причем спинки стульев были изогнуты изящно и плавно, наподобие слоновьих хоботов, а стол был приземистым, как черепаха, с узорной составной столешницей-панцирем. Вокруг изображения вилос написанное затейливой вязью название фирмы: «Мир

БУЛЬОН ТЕРЗАНИЙ

Элитной Мебели». Под щитом, за широким длинным пластиковым столом ослепительно-белого цвета сидела милостивая барышня весьма смышленного вида.

Стены были выкрашены в легкомысленно-оранжевый цвет. Играла успокаивающая музыка — нечто среднее между джазовой импровизацией и журчанием ручейка. Ничто не предвещало беды.

— Вы — режиссер? — дав Владимиру осмотреться, спросила девушка, сидевшая под мебельным гербом. — Петр Светозарович ждет вас в своем кабинете. Све-то-за-ро-вич. Запомните.

— Я заучил, — почтительно склонив голову, ответил Владимир.

Глава вторая

В МИРЕ ЭЛИТНОЙ МЕБЕЛИ

Перенесемся теперь в кабинет генерального директора компании «Мир элитной мебели». Там уже собрались самые высокопоставленные обитатели этого мира: сам Петр Светозарович, его старший (успешный) сын Паша, по совместительству — исполнительный директор, директор дирекции производства Борис Станиславович Бокин по прозвищу Компетентный Борис и его заместитель, молчаливый и печальный человек по фамилии Горюнин. Давайте еще раз всех пересчитаем: Светозарович, он же босс и папа, Паша, он же исполнительный и успешный сын, Борис, он же Компетентный, и Горюнин, он же печальный.

— А этот режиссер, он понимает вообще, что мы — не профессиональные артисты? — спросил Компетентный Борис. Видимо, он уже не в первый раз это спрашивал, потому что исполнительный директор Паша и молчаливый заместитель Горюнин, не сговариваясь, закатили глаза к потолку.

— Понимает, — отрезал босс. — А если не понимает, мы ему так заплатим, что все поймет. Есть информация, что это очень элитный режиссер. С ним Михалков всегда советуется, когда фильмы ставит.

— Да? А почему тогда Михалкова все знают, а этого... — Старший сын заглянул в шпаргалку: — Этого Виленина — никто?

— Я же говорю — очень элитный. Не для средних умов. Его где надо — там знают.

— Позвали бы кого попроще. Для средних. Если мы его не знаем, то и наши партнеры его не знают,— упрямылся Компетентный Борис.

— Все. Ша,— прервал дебаты Петр Светозарович.— Будет тот, которого позвали! Что там у нас еще было по плану?

— По плану — этот,— заглянув в записную книжку, сказал Горюнин и боднул головой воображаемый футбольный мяч,— ну, который...

— А, да,— нахмурился Петр Светозарович,— завтра мы с ним встречаемся. В сауне на Расковой. На нейтральной территории. Буду париться за честь фирмы. Паша, а ты, сынок, проследи пока, чтоб у нас в бухгалтерской отчетности комар носу не подточил. И с юристами посоветуйся. Дальше давайте.

— Садовая мебельная линия не пошла,— отрапортовал сынок Паша.— Сезон кончился, а у нас не распродано две трети. Магазины возвращают на склад все, что мы им отгрузили. Наверное, продажники опять накосячили.

— Значит, убытки вычитаем из продажников и закрываем тему. Учить тебя, что ли? — бросил Петр Светозарович.

— Разрешите доложить? — пророкотал Компетентный Борис. Босс кивнул.

— Предыстория вопроса. Серию делали специально для Египта. По индивидуальному заказу. Где Египет, а где — мы? Я сразу сказал, что у нас это не пойдет. Было такое? Ты помнишь, Петр Светозарович?

— Да, было,— признал директор.— Лады. Продажников не трогаем, они еще за «Зимнюю вишню в шоколаде» не расплатились. Тогда надо чтоб Жукова этим занялась. Распиши ей, Паша, пусть придумает, где у нас ближайший Египет, и толканет остатки туда. А эту ботву снимаем с производства и на освободившихся мощностях начинаем гнать «Престиж классик». Далее.

— Далее — режиссер,— почтительно напомнил печальный Горюнин.

— Чтоб не выражаться при нем, поняли меня? И не орать всем хором. Только по очереди и по моей от-машке. Знаете, работник культуры. Они там все немного... — директор покрутил рукой у виска.— Может хрупкое равновесие нарушиться. А я уже на него бюджет подписал.

Большая стрелка на круглых часах, висевших на стене, звучно шагнула на одно деление. Раздался звонок телефона. Петр Светозарович снял трубку.

— Да, слушаю. Веди,— коротко сказал он.

— Режиссер приехал? — озвучил свою догадку Горюнин и вытянулся в струнку. Директор кивнул и откинулся на спинку кожаного кресла.

Миловидная девушка (та самая, что сидела под гербом компании) провела Владимира по коридору, распахнула перед ним самую обычную — не бронированную и не красного дерева — дверь и отступила в сторону. Будущий режиссер стоял на пороге кабинета, заставленного шкафами, стеллажами и этажерками. Под потолком размещались обычные лампы дневного света. На стене висели непримечательные часы. За столом в центре кабинета сидел лысеющий крепыш в дорогом сером костюме. Полированная столешница из светлой древесины, на которой покоились крупные локти крепыша, смутно напоминала какой-то предмет.

По обе стороны от стола устроились советники или помощники. Девушка-секретарь придвинула к столу легкое кресло с резными ручками и указала на него Владимиру. Сама же примостилась на скамеечке у окна.

Петр Светозарович сделал знак печальному Горюнину. Тот поднялся на ноги и по очереди представил всех друг другу. Девушку, которая проводила Владимира в

кабинет начальства, звали совсем не секретарским именем Нина.

— Заседание, посвященное проведению корпоративного спектакля в честь празднования грядущего Нового года, объявляется открытым, — провозгласил Горюнин. — Слово предоставляется генеральному директору Пригодину Петру Светозаровичу.

И сел на свое место. Владимир приуныл. Нет, это не бандиты, не мошенники и не заговорщики. Это самые обычные бюрократы. Смерть его не будет быстрой, яркой и запоминающейся. Не будет и ужасной. Он тихо угаснет от скуки в стенах этого заведения.

— Ладно, давайте без протокола, — сжалился Петр Светозарович, — времени мало. Вот вы — режиссер, значит, должны понимать, за что беретесь. Артистов тут у нас нет. Но если я отдам распоряжение, любой станет артистом. Вот вы скажите мне, что для нас главное?

— Главное — всем получить удовольствие от спектакля, — сказал Владимир. — Чтоб было что вспомнить.

— Э... Ну, допустим. Если я отдам распоряжение — они у меня получают удовольствие. Но это для нас не главное. Главное — пьеса. Позитивная, креативная и без всяких современных извращений. Я этого не понимаю. Короче, что-то массовое и популярное. Из классики. Русской. Что сразу на слуху.

— «Ревизор», — тут же предложил Владимир.

— Как ревизор? — встрепенулась секретарь Нина.

— Как ревизор? — вторил ей печальный Горюнин.

— Ревизоров не надо! — отрезал директор. — Но ход мыслей верный. Еще варианты.

— «На дне». Горький, — продолжал Владимир.

— На каком дне? — не выдержал Компетентный Борис. — При чем тут дно? Мы должны показать клиентам, что мы на коне, а не на дне.